

Нобелевская премия за лучшую оболочку

Интерес к исследованию источников богатства наций и экономического неравенства между странами и их гражданами был основной движущей силой политической экономии со времён её основателей, ставших выразителями интересов буржуазии в её борьбе против господствующего класса феодального общества – дворянства. Когда буржуазия завоевала политическую власть во Франции и Англии, эти голоса затихли и началась педантская и путанная болтовня вульгарных экономистов, прислуживающих новым хозяевам государств. Наука же Уильяма Петти, Адама Смита, Давида Рикардо была тщательно собрана Марксом, объединена с философией Гегеля и стала отправной точкой теории и борьбы нового революционного класса. Кризисы, последовавшие за послевоенными “славными тридцатилетиями”, или “экономическими чудесами”, унитарного империализма, предоставили учёным и начинающим реформаторам множество причин для изучения неравенства и новой географии капиталистического развития.

В этом году Нобелевская премия по экономике была вручена трём учёным, работающим в области политической экономии и экономической истории: турецкому экономисту и профессору Массачусетского технологического института (MIT) Дарону Аджемоглу, английскому экономисту из MIT и бывшему экономическому руководителю МВФ Саймону Джонсону и английскому экономисту из Чикагского университета Джеймсу Робинсону (все трое – натурализованные американцы). Шведская королевская академия наградила их за *«исследования того, как формируются институты и как они влияют на процветание»*. Как пишет шведский комитет, они помогли нам понять *«различия в благосостоянии между нациями»*, и это направление исследований уже было удостоено Нобелевской премии в 1993 году: её получил американец Дуглас Норт за использование количественных методов для объяснения экономических и институциональных изменений.

Богатство и институты

В обосновании присуждения премии Нобелевский комитет отмечает, что ожидания снижения неравенства в распределении мирового богатства не оправдались: *«мы не наблюдаем такого сближения доходов на душу населения во всех странах»*, беднейшие 50 % населения во всём мире зарабатывают менее 1/10 совокупного дохода и обладают лишь 2 % чистого богатства. Трое награждённых экономистов считают, что обнаружили причину такого неравенства. Нобелевские комиссары пишут: *«Главный принцип их исследований заключается в том, что богатство наций фундаментально формируется политическими институтами. То есть существует иерархия институтов: политические институты влияют на экономические, а те в свою очередь влияют на [экономические] результаты»*. Прежде всего, эти трое учёных помогли понять, почему *«одни страны принимают институты, благоприятствующие экономическому росту, а другие нет»*.

Всё началось с волны европейского колониализма, прокатившейся по всему земному шару. Америка и Карибский бассейн были колонизированы в XVI веке. Колонизация Южной Азии, Восточной Азии и Тихого океана началась в XVII веке. С середины XIX века быстро распространилась колонизация Среднего Востока и Северной Африки. В конце XIX века колониализм проник в Африку к югу от Сахары.

Два колониализма

Трое экономистов в исследовании 2000–2001 гг. *“The Colonial Origins of Comparative Development”* указывают на два фундаментальных типа колониализма, связанных с разным уровнем трудностей, сопровождавших его установление. Определяющими факторами были, прежде всего, состояние здоровья и уровень смертности среди колонистов (из-за малярии, жёлтой лихорадки, желудочно-кишечных заболеваний) и, во вторую очередь, – сложившиеся демографические условия. Там, где приходилось сталкиваться с сопротивлением многочисленного местного населения, а болезни были более смертоносными, колонизаторам приходилось прибегать к более активному принуждению, чтобы закрепиться. Основу исследования 2001 года составляют таблицы смертности, взятые из медицинских записей английских солдат XIX века, из записей о смертях в военно-

морских эскадрах и из записей о смертности епископов в Латинской Америке между 1604 и 1876 годами, зафиксированной в документах Ватикана. Наиболее смертоносные для поселенцев районы препятствовали стабильному поселению и требовали постоянной замены гарнизонов. По оценкам, в Кот-д'Ивуаре, Гане, Гамбии, Мадагаскаре, Мали, Нигерии и Того уровень смертности превышал 500 человек на тысячу.

Два типа колониализма характеризуются, в общем, двумя разными типами институтов. *«С одной стороны, европейские державы создали “добывающие государства”, примером чего является бельгийская колонизация Конго».* Её главной целью было извлечь большую часть ресурсов колонии и *«как можно быстрее»* передать их стране-колонизатору. Методы эксплуатации соответствовали цели: рабство, репрессии, минимальная защита частной собственности, отсутствие гарантий от государственной экспроприации. *«В полностью противоположных случаях [...] колонисты стремились воспроизвести европейские институты, уделяя большое внимание частной собственности и сдерживанию государственной власти. Основные примеры – Австралия, Новая Зеландия, Канада и США».* Здесь оценка смертности поселенцев колеблется от 9 до 16 человек на тысячу, а колонизация создала *«инклюзивные институты».*

Долгосрочные тренды и революция

До этого момента мы говорили лишь о предпосылках. Основной тезис заключается в том, что влияние этих институтов было настолько всеобъемлющим и глубоким, что даже после окончания колониализма правительства сохраняли, с некоторыми вариациями, характеристики колониальных институтов. Это тезис многовекового *«существования институтов».* *«Инклюзивные государства»* расширили права собственности на массы, что является основным условием для внедрения инноваций, получения инвестиций и роста благосостояния. *«[Хорошие] экономические институты в США стали следствием работы политических институтов, которые складывались постепенно, начиная с 1619 года»,* – читаем мы в самой известной книге Аджемоглу и Робинсона *“Почему одни страны богатые, а другие бедные”*, вышедшей в 2012 году¹. *«Добывающие государства»* в той или иной степени зарекомендовали себя как олигархии нескольких семей или коррумпированные сатрапии, посвятившие себя накоплению личных состояний, не поддающиеся верховенству закона и не стремящиеся к экономическому развитию своей страны. Они боятся технологичной современности из-за неизбежных изменений и разрушения вековых балансов, которое она вызывает. Авторы исследования и члены Нобелевского комитета считают доказанным, что *«даже после обретения независимости [...] влияние на долгосрочное процветание может быть вполне вероятно связано с типом институтов, выбранных колонизаторами».*

Ту же причинно-следственную связь, отводящую роль источника экономического развития политическим институтам, авторы распространяют и на метрополии. В цитируемой книге либеральные институты, возникшие в результате английской Славной революции 1688 года, являются лоном, в котором сформировалась промышленная революция, *«не случайно»* произошедшая именно в Англии. В свою очередь, Славная революция и её инклюзивные институты стали возможны благодаря двум политическим условиям: централизованному государству и *«широкой и мощной коалиции»* (то есть компромиссу буржуазии с дворянством), ограничившей полномочия монархии. Отметим, что неявное противопоставление якобинскому пути Французской революции выдаёт неполное понимание Славной революции – неполное с точки зрения европейских процессов.

Демократы и модернизаторы

Английская промышленная революция была одним из двигателей Французской революции, но именно Англия с её компромиссом (между буржуазией и дворянством) и промышленной революцией, как только достигла господства над мировым рынком, стала *«скалой, о которую разбиваются революционные волны»*² в Европе, подытожил Маркс после 1848 года. За английским ускорением в XVIII веке последовали потерянные для Европы десятилетия XIX века (от наполеоновских войн и до национального объединения Германии и Италии). В то же время бывшие колонии в Америке напрягали все свои силы, чтобы занять место старой родины на мировой арене.

Аджемоглу утверждает, что тезис о первостепенной важности политических институтов подчёркивает роль демократии. Этим он явно спорит с “теорией модернизации” покойного американского социолога Сеймура Мартина Липсета, который в 1960 году выдвинул тезис, что именно экономическая модернизация более или менее прямо ведёт к демократизации. Судя по всему, Липсет подразумевал, что экономическая модернизация станет средством борьбы с расовой дискриминацией в Соединённых Штатах, а не обернётся линией на разрядку по отношению к СССР. Но всё равно он счёл свою теорию подтверждённой распадом “советского” империализма тридцать лет спустя, так как тот оказался неспособен модернизироваться. По мнению Аджемоглу, эта теория вводит в заблуждение, поскольку подпитывает оптимистическую веру в то, что экономическое развитие может привести к демократии и Китай. Ни одна реформистская или демократическая теория в эпоху империализма не является нейтральной. Каждую из них присваивает себе тот или иной империализм, или же они прямо предлагают себя в услуги. С другой стороны, Аджемоглу признаёт, что Китай, который на протяжении тридцати лет бурно развивается, не прибегая к англосаксонским “инклюзивным институтам”, бросает вызов его теории.

Демократия как лучшая оболочка

Некоторые положения Аджемоглу кажутся близкими марксистским тезисам. Демократия – это лучшая оболочка капитала, говорил Ленин. Империализм несёт в мир не только капиталистическую эксплуатацию, но и капиталистическое развитие, также всегда говорил Ленин. Но остерегайтесь оптических иллюзий. Для марксизма именно капитал в своих процессах молекулярного развития и концентрации разрушает архаичные формы производства, феодальные и крепостные институты и производит политический плюрализм и разделение властей, необходимые для выражения плюрализма буржуазных фракций и капиталистических групп. Демократия – наилучшая оболочка капитала, потому что она позволяет осуществить максимальное развитие производительных сил, максимальное развитие мирового пролетариата, максимальное развитие классовой борьбы. Различные условия, с которыми сталкивались колониальные державы на разных широтах, представляли собой первые проявления неравномерности развития в глобальном масштабе. Капитал рождается во всём мире, пишет Арриго Черветто. Колониализм – это первое практическое воплощение родового свойства капитала. Различные колониальные институты лишь воспроизводят – в более или менее хищнических и кровавых формах – процессы первоначального накопления, происходившие в Европе и описанные Марксом в “Капитале”.

Репрессивные правительства обязаны своей устойчивостью миру империализма, империалистическому разделу сырья, процветающему рынку оружия. Каждый империализм поддерживает местные олигархии, налоговые убежища и мясников-наёмников. И нет такой демократии, которая сегодня не пытается остановить миграцию из бывших колоний, несмотря на наступающую повсюду демографическую зиму.

С упорством Дюринга

На основные тезисы Аджемоглу уже ответили Энгельс в “Анти-Дюринге” и Маркс в предисловии к работе “К критике политической экономии”. Дюринг утверждал: *«Форма политических отношений есть исторически фундаментальное, хозяйственные же зависимости представляют собой только следствие»*³. Энгельс отвечал, что *«производство, а вслед за производством обмен его продуктов, составляет основу всякого общественного строя»*⁴. Маркс утверждал: *«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания»*⁵.

В письме Йозефу Блоху (1890) Энгельс уточняет, что утверждение о том, что *«в историческом процессе определяющим моментом в конечном счёте является производство и воспроизводство действительной жизни»*, не означает, что *«экономический момент*

является будто единственно определяющим моментом»⁶, и предлагает молодому Блоху прочитать “18 брюмера Луи Бонапарта” Маркса, которое считает в «особенности великолепным образцом» анализа того, что «история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей» и что «имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и безвольно»⁷.

Октябрь 2024 г.

¹ - Цит. по русскому изд.: Аджемоглу Д., Робинсон Д. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. С. 53.

² - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 6. С. 159.

³ - Там же. Т. 20. С. 162.

⁴ - Там же. С. 278.

⁵ - Там же. Т. 13. С. 6–7.

⁶ - Там же. Т. 37. С. 394.

⁷ - Там же. С. 395–396.